

IN MEMORIAM

Памяти Наталии Александровны Чистяковой*

Impressiones

... Май 1976 г. Конгресс «Эйрене» в Ереване. Наш поезд из Москвы прибывает утром, а на платформе нас встречают две дамы в красивых платьях и широкополых шляпах — «две Наташи», как их называли в Ленинграде: Наталия Александровна Чистякова и Наталия Васильевна Вулих. Я тогда впервые увидела авторов учебника «Античная литература».

А потом — доклад Наталии Александровны и ее особого тембра голос. Тема доклада «От говорящей вещи к говорящему автору (личность в греческой эпиграмме)». Издано: Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV конференции античников социалистических стран «Эйрене». Т. II, Ереван, 1979 г. С. 204-210.

В 1979 г. был создан диссертационный совет по классической филологии при кафедре классической филологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Те почти 15 лет, когда я была учёным секретарем совета, да и позже, были временем самых тёплых и тесных отношений между двумя ведущими кафедрами классической филологии нашей страны. И разгадка создания таких отношений — в постоянном присутствии на заседаниях двух ведущих профессоров ленинградской кафедры: Наталии Александровны Чистяковой и Юрия Владимировича Откупщикова. Вот уж на кого можно было положиться. Это кто-то из москвичей мог по какой-то причине не появиться на заседании. У Наталии Александровны и Юрия Владимировича таких причин не бывало.

---

* Редакция искренне благодарит семью Розовых за любезно предоставленные фотографии Н.А. Чистяковой.

Но вот образовался в Санкт-Петербурге свой диссертационный совет, и постоянная тесная связь между кафедрами стала слабеть. Да и наш совет лишился ярких, темпераментных, заинтересованных выступлений питерцев.

Меня всегда настораживал термин «античная литература». Не хотелось (особенно для студентов) объединять в одно два совершенно разных типа словесности: древнегреческую (греческую) и римскую (латинскую). Кстати, осторожно и пореже употреблять этот термин было бы важно и для учебных планов: вряд ли кто-либо решился бы уделять на филологических факультетах университетов по одной лекции в течение одного семестра сразу двум большим самостоятельным фундаментальным курсам. А «античная литература» — это один, пусть и синкретичный, но один курс, который может удвоиться одним семестром.

*Н.А. Чистякова на Басковом переулке.
2007 год.*

Я набрала как-то телефон Наталии Александровны и попросила ее: «Только Вы с Вашим авторитетом можете побудить коллег порассуждать на эту тему: как бы нам почётче разделить, подчеркнуть различие этих двух литератур при всей их общности». «Я и сама об этом думала, — сказала Наталия Александровна, — но все как-то привыкли к этому термину...».

Несколько лет спустя — при перестройке — появилась у Наталии Александровны возможность поехать в Италию, потом в Грецию. Вскоре Людмила Ивановна Шевченко приглашает филологов-классиков создать отдельную секцию на конференции, посвящённой юбилею Самарской епархии. И на одном из пленарных заседаний Наталия Александровна произносит — если так можно сказать — зажигательную речь о различии двух типов культур и, тем самым, двух типов словесности.

И, наконец, один из последних телефонных разговоров с Наталией Александровной. В январе 2006 г. я звоню ей, благодарю за статью, которую она поместила в сборнике *Στέφανος*, за участие в нем¹. И слышу ее ясный голос: «Марина Николаевна! Я и мы все хотели выразить Вам свою любовь и признательность». И я хочу выразить свою любовь и признательность другу нашей кафедры и, думаю, это не будет нескромным, моему другу — Наталии Александровне Чистяковой. Светлая ей память!

Марина Николаевна Славятинская

¹ Этот сборник был издан в МГУ к юбилею Марины Николаевны Славятинской. — *Прим. ред.*

Н.А. Чистяковой 2 года (1922 г.)

*Н.А. Чистяковой 16-18 лет
1936-1938 гг.*

*Н.А. Чистяковой 17-18 лет
1937-1938 гг.*

*Н.А. Чистяковой 16-18 лет
1936-1938 гг.*

*Н.А. Чистякова.
Дата неизвестна.*

*Н.А. Чистякова с членом-корреспондентом
РАН А.В.Бондарко. Басков переулок 2000 год.
Отмечается 80-летие.*

*Н.А. Чистякова и Н.Н.Розов в Басковом переулке
1982 г. Отмечается 70-летие Н.Н.Розова.*

Н.А. Чистякова. Дата неизвестна.

in memoriam

Наталии Александровны Чистяковой

Наталия Александровна Чистякова по своей натуре была человеком отдающим: знания, накопленный опыт, умение видеть доброе во всей сложности нашего непростого бытия, все, чем наградила ее природа, и приобрела она сама за долгую жизнь. Наталия Александровна раздавала себя тем, кого любила. Она запомнила и часто повторяла девиз учителей своей школы, наследовавшей лучшие традиции Темешевского училища, на базе которого она существовала: «Сначала любить, потом учить». Как волновалась Наталия Александровна, услышав историю об очередной несправедливости по отношению к детям, ученикам, студентам, не только к малому, слабому, наивному, но к любому человеку, пришедшему в этот мир с потребностью в любви, с правом на понимание своей индивидуальной неповторимости. «Любовь – это когда тебя понимают», – говорила она. Будучи человеком высокой духовности и щедрой в общении, она умела поставить себя на чужое место. Кажется, что на короткий период это не так уж трудно. Но Наталия Александровна могла мысленно, духовно и душевно прожить с чужим человеком самый трудный для него отрезок времени. Антигона одноименной драмы Софокла сконцентрировала эту мысль в словах о том, что она рождена не для вражды, а для любви. Это было естественно для Наталии Александровны. Соболезнуя кому-либо не только по поводу большой утраты, а даже из-за события, которое представляется глобальным только его участнику, Наталия Александровна всегда говорила: «Душой я с Вами». Сейчас так мало тех, кто так скажет. Такие обороты свойственны старой традиционной петербургской культуре. К ней принадлежала Наталия Александровна. Слой этой культуры с годами становится все тоньше. Подобные слова могли казаться даже нелепыми некоторым оппонентам Наталии Александровны, тем, кто не то чтобы не относил себя к петербуржцам, а затруднялся в постижении сущности этой культуры.

Наталия Александровна преданно любила своих учителей И.И. Толстого, И.М. Тронского. Нас, своих учеников, она не воспитывала в неременном поклонении их учёным именам, но нельзя было не откликнуться на ее стремление дать нам понять как можно проще, в чем заключается рациональное зерно их научной деятельности, в чем они были несомненно правы. Помимо школьных учителей и университетских преподавателей Наталия Александровна часто вспоминала о своей няне, о немке-гувернантке, жившей в их семье. Именно они приучили ее к созиданию осмысленной деятельности в каждый час дня. Няня учила вязать и

готовить, а немецкая наставница требовала от маленькой Таты и ее брата, чтобы они подчиняли свою жизнь чёткому распорядку и не сидели без дела. Наталия Александровна вспоминала даже денщика своего отца, бывшего военным в 20-е годы. Денщик привозил из родной деревни продукты, и это помогло им выжить в годы разрухи после гражданской войны. А когда он гулял с маленькой девочкой, то прохожие говорили, какой очаровательный ребёнок.

Я училась у Наталии Александровны литературе и человековедению. Вся древнегреческая литература антропоцентрична, но она создаётся на основании мифа, который был необходим для поддержания культа, и словесная часть была составляющей определённого ритуала. Наталия Александровна предостерегала от анализа архаического текста без учёта мировосприятия его создателя. Надо понять, в чем они (т.е. авторы этой литературы) были отличны от нас, попробовать проникнуть в их ценности нашими современными понятиями. По учебнику Н. А. Чистяковой («История античной литературы». М., 1971), написанному в соавторстве с Н.В. Вулих, училось не одно поколение студентов. Училась и я, и мои однокурсники. Студенты-классики из моей кураторской группы были удивлены тем, что Наталия Александровна – мой учитель. Она уже была легендой, живым классиком, а ее учебники были зачитаны в библиотеке факультета.

Наталию Александровну интересовали различные жанры греческой литературы, она занималась историей эпоса («История возникновения и развития древнегреческого эпоса». СПб., 1999). Но начав с литературы эллинизма, она была предана ей всю жизнь. В эллинистической поэзии Наталия Александровна особенно занималась элегиями и эпиграммами как жанром малой формы, они были призваны воплотить как можно изящнее глубокую и тонкую мысль. В конце своей деятельности Наталия Александровна издала свой прекрасный перевод поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика». Ещё студенткой я слушала спецкурс Наталии Александровны Чистяковой по эллинистической литературе, затем заменяла ее на занятиях по чтению греческой драмы. Я готовилась по ее конспектам, где помимо комментариев к переводам было много собственных соображений о мифе, который лёг в основу трагедии, и его литературном воплощении.

После ухода Наталии Александровны в моей душе сначала была ошеломляющая пустота, словно я лишилась какой-то части своего существа. Сейчас помимо горечи утраты пришло осознание частично перешедшего от нее духовного богатства. И я благодарна Наталии Александровне. Надо постараться нести ее душевный огонь дальше.

Лариса Борисовна Поплавская

*Н.А. Чистякова. Афины.
Акрополь. Октябрь 2002 г.*

*Н.А. Чистякова выступает в
Эпидавре. Читает отрывок на
греческом языке из «Медии».
Октябрь 2002 г.*

Н.А. Чистякова. Москва. Май 2004 г.

Н.А. Чистякова. Дельфы. Октябрь 2002 г.

*Н.А. Чистякова. Афины. Акрополь.
Октябрь 2002 г.*

Н.А. Чистякова в кругу семьи на защите докторской диссертации сына – Александра Николаевича Розова. Москва 2003 г.

Н.А. Чистякова на даче. Деревня Жельцы Лужского района Ленинградской области 2007 г.

*Н.А. Чистякова в аэропорту
Салоники. Октябрь 2002 г.*

Н.А. Чистякова со студентами классического отделения ПСТГУ. Москва. Май 2004 г.

Памяти Н.А.Чистяковой

Грустно думать о том, что я уже никогда не смогу набрать ленинградский номер телефона Наталии Александровны Чистяковой и услышать её голос. Для меня разговор с нею был возможностью пообщаться с человеком, которому я могу доверить все свои тайны и который всегда давал мне совет в нужную минуту. Наталия Александровна была моим руководителем курсовой и дипломной работ, а также научным руководителем кандидатской диссертации. Во время моей учёбы в Ленинградском университете я жила недалеко от Баскова переулка, в котором жила Наталия Александровна. Всякий раз, поднимаясь по лестнице в её квартиру, я очень волновалась: так хотелось произвести хорошее впечатление на бесконечно уважаемого мною человека. Наталия Александровна ввела меня в тот своеобразный мир античности, который позволяет понять, как много в нём интересного и как много ещё нужно узнать. Мы с нею не только обсуждали филологические проблемы, но и посещали вместе концерты классической музыки. Наталия Александровна была для меня человеком из идеального мира интеллигентных людей и, самое главное, образцом преподавателя, представителем той особой профессии, в которой важны не только профессиональные знания, эрудиция, кругозор, но и нравственные качества. Она была человеком в высшей степени порядочным, добрым и щедрым, никогда не жалела времени для своих учеников, всегда старалась накормить нас вкусным обедом, её дом был для нас домашним очагом, сидеть возле которого уютно, безопасно и интересно. Наталия Александровна – родной для меня человек, которого любили все члены моей семьи, мы будем всегда помнить её и постараемся передать следующим поколениям её видение мира, в котором основное место занимают культура, уважение к человеку, интеллект.

Зоя Александровна Рыжкина

Светлой памяти Н.А. Чистяковой

Вклад Наталии Александровны Чистяковой в развитие отечественной науки об античности не нуждается в каком бы то ни было обосновании – ещё не одно поколение специалистов по античной словесности и культуре наряду с просто ценителями и почитателями античности будут обращаться к ее многочисленным научным трудам, учебникам, переводам. Признание ее заслуг в области антиковедения в целом и классической филологии в частности, наверняка, найдет отражение в специальных очерках и более общих работах, посвящённых этой теме. Мне же хочется остановиться исключительно на некоторых деталях живого общения с Наталией Александровной, в которых проявлялись черты ее характера, столь па-

мятные ее ближайшим родственникам, друзьям, коллегам и ученикам.

Маленькая уютная квартира в доме на Кронверкском проспекте, где провела свои последние годы Наталия Александровна, – кстати, бывшая дореволюционная петербургская ночлежка для бедных, о чем часто не без некоторой иронии любила упоминать хозяйка квартиры, – неизменно встречала входящих атмосферой тепла и непринужденности: из

Н.А. Чистякова в Басковом переулке 2007г.

буфета, невзирая на робкие протесты гостя, немедленно доставались столовые приборы, на скорую руку сервировался стол, а на кухне уже весело закипал чайник. Общение с Наталией Александровной – независимо в итоге от цели визита и статуса посетителя, – обычно представляло собой удивительное, трудно передаваемое сочетание дружеской беседы, житейских наставлений, глубокомысленных рассуждений на различные темы – от античной литературы до современной политики – и, наконец, научной дискуссии по интересующим гостя вопросам. Все это было абсолютно лишено какого бы то ни было педантизма или дидактичности со стороны глубоко чтимого всеми нами учителя, но, напротив, носило характер живого и непосредственного отклика на окружающее и выражало стремление поделиться всем наболевшим, пережитым, многократно передуманным за долгие-долгие годы. И не приходится говорить о тех всегда хорошо ощущаемых, но вместе с тем едва уловимых штрихах в домашней обстановке, в манере общения и во всём образе жизни Наталии Александровны, которые свидетельствовали о ее неразрывной связи с прошлым Петербурга, с его историей и культурой, выдавая в ней истинного представителя старой петербургской интеллигенции, хранителя ее традиций и нравов. Не удивительно, что в итоге любой ее ученик уходил из дома Наталии Александровны всегда морально обогащенным, с чувством благодарности к ней и желанием продолжать трудиться на ниве классической филологии с ещё большим усердием и отдачей.

Одним из самых ярких событий в жизни Наталии Александровны было посещение Греции, которую она, не утратив своего уже тогда довольно преклонного возраста, проехала всю с севера на юг в экскурсионном автобусе. Не удивительно,

что она стала надёжным помощником и вместе с тем строгим экзаменатором сопровождавшего туристическую группу гида – местного уроженца, в целом неплохо говорившего по-русски. Впечатление, произведенное на него Наталией Александровной, было так велико, что спустя много лет, случайно вновь встретившись во время экскурсионного тура с другой представительницей русской петербургской школы классической филологии, этот гид с энтузиазмом вспоминал Наталию Александровну и ее «лекции» о греческой литературе, которые ему довелось услышать. В рассказах Наталии Александровны о Греции особенно впечатляют два случая, которым сама она придавала особенное, едва ли не мистическое значение. Первый произошёл с ней на Олимпе, когда она поднялась туда вместе с другими туристами. По словам Наталии Александровны, через некоторое время после того, как она оказалась наверху, на до сих пор абсолютно ясном и безоблачном небе вдруг появилось облако, которое накрыло их на несколько минут сплошным туманом. Что это – удивительное совпадение или своего рода «знамение», как твёрдо верила сама Наталия Александровна?

Другой случай выглядит не менее таинственно. Посетив во время той же поездки по Греции Эпидавр с его знаменитым театром, Наталия Александровна не удержалась от искушения прочесть по памяти изрядной величины отрывок из Еврипида, стоя среди круглой площадки театра с едва сохранившимися следами оркестры. И каково же было ее удивление, когда спустя довольно значительное время (кажется, не менее года) она получила по почте письмо, в которое были вложены фотографии. На фотографиях была запечатлена Наталия Александровна, читающая Еврипида посреди театра в Эпидавре. Отправитель письма и, соответственно, автор фотографий знаком Наталии Александровне не был.

Энтузиазм Наталии Александровны, ее жизненная и научная активность были поистине поразительными. Оставаясь до конца верной своему ремеслу и призванию, она до самых последних дней жизни продолжала участвовать в конференциях, читать лекции, консультировать своих многочисленных учеников из Петербурга, Москвы и других городов России. В заключение хочется сказать, что главное – помимо ее собственно научных заслуг, – чему нас всех научила Наталия Александровна и за что мы должны быть ей глубоко благодарны, – это то образцовое служение и бескорыстная преданность науке об античности и непосредственно самой античности, которые она являла на протяжении всей своей долгой и – против чего не стал бы возражать даже Солон – в полном смысле слова счастливой жизни.

Светлана Игоревна Межерницкая